

УДК 82.091

DOI: 10.17223/19986645/41/14

В.Т. Фаритов

ПАМЯТЬ И ИСТОРИЧНОСТЬ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ ПУШКИНСКОЙ ПОЭЗИИ (ПУШКИН И ЯСПЕРС)¹

В статье осуществляется попытка анализа поэтического наследия А.С. Пушкина в рамках концептуального горизонта экзистенциальной философии К. Ясперса. В качестве основных экзистенциальных мотивов творчества А.С. Пушкина рассматриваются припоминание и историчность. В анализ включаются такие философские категории, как экзистенция, самость, наличное бытие. Выявляется эвристический и методологический потенциал экзистенциальной философии К. Ясперса для анализа произведений русской литературной классики.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, К. Ясперс, экзистенциализм, память, историчность, самость, русская литература.

Эвристический потенциал экзистенциальной философии для анализа произведений художественной литературы в настоящее время не вызывает сомнения. Категориальный аппарат и концептуальный горизонт экзистенциализма активно применяются в современном литературоведении и для анализа наследия русской литературы. Преимущественно в рамках названного философского течения исследуются произведения отечественных писателей XX столетия (например, Л. Леонова [1], М. Шолохова [2]). Применительно к русской классике XIX в. стал традиционным анализ экзистенциальных мотивов творчества Ф.М. Достоевского [3] и Ф.И. Тютчева [4]. Однако на наш взгляд, разработки экзистенциальной философской мысли не в меньшей степени релевантны для исследования творчества самого главного классика русской литературы – А.С. Пушкина. И речь здесь идет не только о «русском экзистенциализме» (Н. Бердяеве, Л. Шестове), но и о европейской философии: основные положения учения М. Хайдеггера, К. Ясперса, Ж.П. Сартра могут быть весьма продуктивно использованы для исследования философских аспектов наследия Пушкина. Пушкинская поэзия насквозь пронизана экзистенциальными мотивами, для экспликации которых необходимо обращение к базовым постулатам экзистенциальной философии. В качестве теоретической основы исследования мы остановимся на концепции К. Ясперса, чтобы не перегружать наше исследование различными философскими учениями и выдержать единство концептуального горизонта.

Основными экзистенциальными мотивами поэзии Пушкина не являются темы смерти, одиночества, страха и отчаяния. Хотя все эти традиционные рубрики экзистенциалистски ориентированного литературоведения и присутствуют в наследии поэта, но не они составляют корень его философского и художественного мировоззрения. Основные экзистенциальные мотивы поэзии Пушкина – это историчность и память. Как таковые темы истории и па-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-34-11045.

мяти в пушкинском творчестве хорошо исследованы – можно сослаться хотя бы на масштабную работу С.А. Кибальника [5] (в которой приведены ссылки на публикации других авторов по теме). Однако в существующих исследованиях рассматриваются не историчность и память как фундаментальные экзистенциалы человеческого бытия, но история как совокупность событий в жизни народов и государств и память как психологическая способность человека. Между тем как категории историчности и памяти в экзистенциальной философии имеют специфически иную смысловую нагрузку.

Экзистенциальное значение феномена памяти в общих чертах можно определить как установку на живое присутствие прошлого в настоящем, как волю к возобновлению и вечному повторению однажды бывшего, однажды увиденного и пережитого. Память – не мертвый груз, но определяющий способ экзистирования человека во времени. Экзистенциальную значимость памяти раскрыл уже Ф. Ницше в одном из своих первых философских сочинений: «Тогда научается он понимать значение слова «было», того рокового слова, которое, знаменуя для человека борьбу, страдание и пресыщение, напоминает ему, что его существование, в корне, есть никогда не завершающееся Imperfectum. Когда же смерть приносит наконец желанное забвение, то она похищает одновременно и настоящее вместе с жизнью человека и этим прокладывает свой путь к той истине, что наше существование есть непрерывный уход в прошлое, т.е. вещь, которая живет постоянным самопожертвованием, самопожиранием и самопротиворечием» [6. С. 89]. Таков экзистенциальный удел человека, существующего во времени как в сфере своего бытия. Время – не внешняя, объективная среда, но и не только внутреннее психологическое переживание. Оно – единство внешнего и внутреннего, прошлого и настоящего (а также и будущего), единство «Я» и мира.

На то обстоятельство, что память составляет корень пушкинского творчества, указывает, например, А.Д. Синявский: «В воспоминании – в узнавании мира сквозь его удаленный в былое и мелькающий в памяти образ, вдруг проснувшийся, возрожденный, – мания и магия Пушкина» [7].

К. Ясперс выделяет три типа припоминания: 1) психологическое припоминание – «память о пережитых событиях, и ситуациях, о вещах и людях» [8. С. 257]; 2) историческое припоминание – усвоение традиции [8. С. 257]; 3) экзистенциальное припоминание – единство прошлого с экзистенцией припоминающего: «В свободном избрании некоторой данности я принимаю на себя в припоминаемом то, что я есмь. Я есмь то, чем я был и чем я хочу быть» [8. С. 258].

Формально у Пушкина представлены все три вида припоминания. При этом первый тип – психологическое припоминание – практически никогда не дан в чистом виде – как простая безучастная и объективная память о прошлых событиях. Сложно представить, чтобы такая память вообще могла найти свое место в поэзии. Любое припоминание у Пушкина – будь то память о событиях его личной жизни или исторического прошлого – экзистенциально окрашено. То есть третий вид припоминания – экзистенциальное припоминание собственно – проступает у поэта сквозь первые два.

Так, психологический тип припоминания представлен в стихотворении 1817 г.:

Простите, верные дубравы!
Прости, беспечный мир полей,
И легкокрылые забавы
Столь быстро улетевших дней!
Прости, Тригорское, где радость
Меня встречала столько раз!
На то ль узнал я вашу сладость,
Чтоб навсегда покинуть вас?
От вас беру воспоминанье.
А сердце оставляю вам.
Быть может (сладкое мечтанье!),
Я к вашим возвращусь полям,
Приду под липовые своды,
На скат тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума.

Однако уже здесь мы не найдем простого воспоминания о «легкокрылых забавах столь быстро улетевших дней». В первых восьми стихах еще представлено сожаление об ушедшем времени. Но в последующей части стихотворения дается установка на возобновление, возвращение того, что было. Причем запечатленные в памяти особенности ландшафта (поля, «липовые своды», «скат тригорского холма») вступают в нерасторжимую связь с экзистенциальным выбором своего собственного «Я»: Я возвращусь к вашим полям как «поклонник дружеской свободы, Веселья, граций и ума» – т.е., как поэт. Герой стихотворения выбирает свое существование в качестве поэта, полагает его как свою сущность. Это выбор собственной экзистенции: будучи однажды сделанным, он должен постоянно возобновляться в настоящем. Способ такого возобновления и есть воспоминание, позволяющее прошлому живо присутствовать в настоящем. Вспоминая обстоятельства своего прошлого, поэт вспоминает свой выбор самого себя, и этот выбор осуществляется вновь – как это показано в другом стихотворении под названием «Царское село»:

Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений,
О ты, певцу дубрав давно знакомый гений,
Воспоминание, рисуй передо мной
Волшебные места, где я живу душой,
Леса, где я любил, где чувство развивалось,
Где с первой юностью младенчество сливалось
И где, взлелеянный природой и мечтой,
Я знал поэзию, веселость и покой...

Веди, веда меня под липовые сени,
Всегда любезные моей свободной лени,
На берег озера, на тихий скат холмов!..
Да вновь увижу я ковры густых лугов
И дряхлый пук дерев, и светлую долину,
И зланных берегов знакомую картину,
И в тихом озере, средь блещущих зыбей,
Станицу гордую спокойных лебедей.

Описание местности, пейзажные зарисовки снова даны здесь в неразрывном единстве с экзистенцией поэта, а такое единство и есть самость, и есть *историчность*: «Данное, ситуация, задачи получают тот смысл, что каждое, в

его частной *определенности* и *особенности*, становится мною самим. То, от чего я отличал себя, унижая его до значения простого существования, становится мною самим, как моим *явлением*. Это мое единство с моим существованием как явлением есть моя *историчность*, уяснение его – *историческое сознание*» [9. С. 123]. В тексте представлены не просто места, но места, «где я живу душой», не просто леса, но леса, «где я любил, где чувство развивалось», а липовые сени предстают как «любезные моей свободной лени». «Ковры густых лугов», «пук деревьев», «светлую долину» поэт хочет увидеть *вновь* – ключевое слово, выражающее характер пушкинского отношения к прошлому. Это экзистенциальное волеизъявление «да вновь увижу я» обращено не к физическому возвращению (которое зависит от внешних обстоятельств и как таковое может и не произойти по самым разным причинам), но к воспоминанию (см. первую строфу текста), осуществляющему активное присутствие прошлого в настоящем. В воспоминании поэт свободен – он свободен во всем внешнем и некогда бывшем находить самого себя, свой собственный исток, свой выбор, свою самость. Прошлое становится настоящим, внешнее – внутренним.

Это экзистенциальное припоминание прошлого как истока своей собственной экзистенции с еще большей силой представлено в начале восьмой главы «Евгения Онегина»:

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал,
В те дни в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.
Моя студенческая келья
Вдруг озарилась: муза в ней
Открыла пир молодых затей,
Воспела детские веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

Философское содержание этой, а также последующих пяти строф можно представить в формуле Ясперса: «Я есмь то, чем я был и чем я хочу быть» [8. С. 258]. Это постоянное искание истоков своего духовного становления, постоянное стремление к активному и живому возобновлению опыта самосозидания пронизывает все творчество поэта. Память здесь – экзистенциальная свобода и одновременно экзистенциальная необходимость. Осуществив раз – в определенный момент прошлого – экзистенциальный выбор самого себя, он должен вновь и вновь прилагать усилия по возобновлению и поддержанию этого выбора в течение времени. В противном случае время, всякий раз открывающее новые горизонты возможностей, новые повороты судьбы, безжалостно рассеет этот созданный образ самого себя. Течение времени должно быть преобразовано, собрано воедино творческой волей поэта. Настоящее должно постоянно пронизываться лучами прошлого в модусе экзистенциального припоминания:

Зорю бьют... из рук моих
 Ветхий Данте выпадает,
 На устах начатый стих
 Недочитанный затих –
 Дух далече улетает.
 Звук привычный, звук живой,
 Сколь ты часто раздавался
 Там, где тихо развивался
 Я давнишнюю порой.

Пушкин формирует свой миф о вечном возвращении. В его поэзии этот миф может получать самое разнообразное воплощение. В заключительном стихотворении «Подражаний Корану» возвращение минувшего представлено как чудо:

И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой главой:
Вновь кладязь наполнен прохладой и мглой.

В стихотворении «Кто видел край, где роскошью природы» этот мотив изображен как стремление к повторению уже бывшего в будущем, определяющее существование поэта в настоящем:

Минувших лет воскреснет ли краса?
 Приду ли **вновь** под сладостные тени
 Душой уснуть на лоне мирной лени?

Наконец, в стихотворении «...Вновь я посетил» возвращение представлено как реальное событие – как экзистенциальное воспоминание:

Минувшее меня объемлет живо,
 И, кажется, вечер еще бродил
 Я в этих рощах.

В конце концов, становится ясно, что эта воля к вечному возвращению, это экзистенциальное припоминание и есть сама поэзия. Именно поэзия обеспечивает постоянное возобновление экзистенции поэта в череде сменяющих друг друга мгновений – даже тогда, когда физическое существование поэта уже прекратится:

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
 Мой прах переживет и тленья убежит –
 И славен буду я, доколь в подлунном мире
 Жив будет хоть один пиит.

В «Воспоминаниях в Царском селе» 1829 г. мы находим один из самых ярких примеров ситуации, когда экзистенциальное припоминание вступает в тесное переплетение с припоминанием историческим. Первые три строфы стихотворения описывают опыт экзистенциального припоминания – герой *вновь* переживает и возобновляет истоки своего экзистенциального выбора:

Вновь нежным отроком, то пылким, то ленивым,
Мечтанья смутные в груди моей тая,
Скитаюсь по лугам, по рощам молчаливым,
Поэтом забываюсь я.

Однако в последующих строфах происходит существенное расширение и углубление припоминания: теперь оно охватывает историческое прошлое, которое раскрывается в модусе «вновь»:

И ввявь я вижу пред собою
Дней прошлых гордые следы.

Так совершается переход от экзистенциального припоминания к историческому. По Ясперсу, сущность последнего заключается в способности человека «постигать находящееся вне его пределов бытие, которое было, когда его самого еще не было. Я расширяюсь за предел того существования, которое есмь я сам, в неограниченные отрезки времени» [8. С. 257]. В таком припоминании «Я» постигает в качестве своего экзистенциального истока то, что выходит за временные границы его собственного наличного бытия. Происходит сопряжение «Я» и Другого, причем в этом Другом «Я» находит самого себя:

Среди святых воспоминаний
Я с детских лет здесь возрастал,
А глухо между тем поток народной брани
Уж бесновался и роптал.

Историческое припоминание предполагает установку на раскрытие в настоящем следов прошлого. Причем эти следы обнаруживают себя как живые возможности экзистенции, на что указывает Ясперс: «Историчное припоминание, будучи само живым бытием, схватывает прошедшее как еще живо присутствующую действительность не вполне определившихся возможностей» [8. С. 258]. Пушкин пришел к такому экзистенциальному переживанию истории достаточно рано — уже в стихах лицейского периода мы находим образцы подобного исторического припоминания:

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горестей и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизны!
И вас багрила кровь и пламень пожирал!
И в жертву не принес я мщенья вам и жизни;
Вотще лишь гневом дух пылал!..

Мотив исторического припоминания также проходит через все творчество Пушкина. Война с Наполеоном, славные дела Петра, пугачевский бунт — все эти события обретают смысл подлинного истока и внутреннего содержания экзистенции поэта.

Как особую разновидность исторического припоминания мы можем выделить припоминание литературное. Литература является частью истории

экзистенциального самосознания народов и эпох. Поэтому литературные образы и сюжеты также подлежат экзистенциальному возобновлению в качестве присутствующих в действительности возможностей. Так, в «Воспоминаниях в Царском селе» 1829 г. присутствует сразу несколько пластов литературной памяти. Во-первых, этот текст отсылает к стихотворению Пушкина лицейского периода, имеющему аналогичное название, стихотворный размер и тематику. В свою очередь, текст 1814 г. отсылает к поэзии Державина – стилистически, лексически и по духу. Возобновляются не только исторические события военной славы России, но и связанная с той эпохой атмосфера поэтического творчества:

Державин и Петров Героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.

Однако пласт литературных отсылок «Воспоминаний» 1829 г. этим не ограничивается. Все стихотворение, помимо прочего, представляет собой парафраз на «Я помню чудное мгновенье...». Последний текст может быть рассмотрен в качестве архетипа, кода всей пушкинской поэзии, который получает разнообразное преломление в других текстах поэта. Так, в пародийном ключе структура и содержание «Я помню чудное мгновенье...» получает воплощение в следующем стихотворении:

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И вспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красотой,
Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской,
Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел.
Упиваясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор.
Если ж нет... по прежнему следу
В ваши мирные края
Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября.

Текст построен на тех же мотивах памяти и забвения, что и хрестоматийное стихотворение 1825 г. Те же «милые черты», та же «суета». И рассматриваемый нами текст 1829 г. построен на тех же самых мотивах памяти и забвения. В первой строфе также задается определяющий мотив памяти: «Воспоминаниями смущенный» – «Я помню чудное мгновенье». Во второй строфе – забвение, утрата, вызванные все той же суетой:

В пылу восторгов скоротечных,
В бесплодном вихре суеты,
О, много расточил сокровищ я сердечных
За недоступные мечты.
(1829)

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты...
(1825)

Также сквозь вихрь и тревоги суеты проступает воспоминание «первоначальных, чистых дней» – формулировка из стихотворения 1819 г. под названием «Возрождение»:

Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.

Возрождение – это восстановление самости, которая рассеивается в личном бытии и собирается вновь посредством припоминания и историчности.

Наконец, в «Воспоминаниях» 1829 г. выделяется еще один реминисцентный пласт:

Так отрок библии, безумный расточитель,
До капли истощив раскаянья фиал,
Увидев наконец родимую обитель,
Главой поник и зарыдал.

Припоминание уходит вглубь времен к библейскому сюжету. Не это ли виденья «первоначальных, чистых дней»? Но ведь и в Евангелии речь идет только о притче, которая, в свою очередь, отсылает к другому сюжету, к другому преданию – к Книге Бытия, мифу о грехопадении. Исток экзистенциальных ситуаций уходит очень глубоко, но сами ситуации непрестанно возобновляются.

У Пушкина представлен и другой способ экзистенциального переживания истории, отличающийся от экзистенциального припоминания. Это – переход от истории к вечности. «Мгновение как тождество временности и безвременности есть углубление фактического мгновения до *вечного настоящего* (ewige Gegenwart) [9. С. 128]. В стихотворении «К вельможе» история показана в своем наличном бытии как «вихорь бури», как слепая судьба, безжалостно истребляющая былое:

Барон д'Ольбах, Морле, Гальяни, Дидерот,
Энциклопедии скептической причот,
И колкой Бомарше, и твоей безносый Касти,
Все, все уже прошли. Их мнения, толки, страсти
Забыты для других. Смотри: вокруг тебя
Всё новое кипит, былое истребя.

В этом потоке времени удержать свое самостное бытие может лишь тот, кто в состоянии раскрывать присутствие вечности в текущих моментах существования:

Один всё тот же ты. Ступив за твой порог,
Я вдруг переносусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры, и картины,
И стройные сады свидетельствуют мне,
Что благосклонствуешь ты музам в тишине,
Что ими в праздности ты дышишь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговор свободный
Исполнен юности. Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой и прелесть Гончаровой.
Беспечно окружась Корреджием, Кановой,
Ты, не участвуя в волнениях мирских,
Порой насмешливо в окно глядишь на них
И видишь оборот во всем кругообразный.

Эта вечность находится не в загробном мире ожидаемого посмертного бытия, но проступает непосредственно сквозь череду исторических событий и перипетий личной жизни. Обреченному на исчезновение существованию в одном настоящем поэт противопоставляет «длительность как непрерывность смысла» [9. С. 153], как единство настоящего, прошлого и будущего, как присутствие вечности в мгновении.

Осознание этого неизбежного единства становящегося и преходящего с наличным существованием вызывает тоску. Источник этой экзистенциальной тоски — та же историчность, в которой «пребывающее становится ничтожным, а исчезающее — явлением бытия» [9. С. 257]. Но у Пушкина эта тоска — светла, поскольку исчезновение уравновешено воспоминанием:

Прошли за днями дни. Сокрылось много лет.
Где вы, бесценные создания?
Иные далеко, иных уж в мире нет,
Со мной одни воспоминанья.

И то, что было однажды, будет вновь:

Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!
Прошли восторги, и печали,
И легковые мечты...
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.

Таков смысл памяти и историчности как основных экзистенциальных мотивов творчества Пушкина. Таков экзистенциальный контекст художественного и философского мирозерцания Пушкина. Результатом проведенного исследования стало, во-первых, углубление вариантов прочтения философского содержания пушкинского наследия и, во-вторых, раскрытие эвристического и методологического потенциала экзистенциальной философии для анализа произведений художественной литературы.

Литература

1. Дырдин А.А. Проза Л. Леонова: Метафизика мысли. М.: Синергия, 2012. 294 с.
2. Костин Е. Шолохов forever. Вильнюс: ВАГА, 2013. 256 р.
3. Лесевцкий А.В. Конфликт индивидуального и социального в экзистенциальной философии Ф.М. Достоевского. Пермь: ОТ и ДО, 2011. 192 с.
4. Баевский В.С. Тютчев: поэзия экзистенциальных переживаний // Изв. Рос. Акад. наук. Сер. лит. и яз. 2003. № 6. С. 1–10.
5. Кибальник С.А. Художественная философия. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 200 с.
6. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Полн. собр. соч.: в 13 т. Т.1/2: Несвоевременные размышления. Из наследия 1872–1873 гг. М., 2013. С. 83–173.
7. Синявский А.Д. Прогулки с Пушкиным [Электронный ресурс]: Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: http://royallib.com/book/terts_abram/progulki_s_pushkinim.html (дата обращения: 07.02.2016).
8. Ясперс К. Философия. Книга третья. Метафизика. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2012. 296 с.
9. Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2012. 448 с.

MEMORY AND HISTORICITY AS EXISTENTIAL MOTIFS OF PUSHKIN'S POETRY (PUSHKIN AND JASPERS)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2016. 3 (41). 170–180. DOI: 10.17223/19986645/41/14

Faritov Vyacheslav T., Ulyanovsk State Technical University (Ulyanovsk, Russian Federation).

E-mail: vfar@mail.ru

Keywords: Alexander Pushkin, Jaspers, existentialism, memory, historicity, self, Russian literature.

The main existential motifs of Pushkin's poetry are not the themes of death, loneliness, fear and despair. Although these traditional categories of existential literary criticism are present in the poet's work, they do not form the root of his philosophical and artistic outlook. The basic existential motifs of Pushkin's poetry are historicity and memory. The existential value of the memory phenomenon can be broadly defined as the orientation on the living presence of the past in the present, as the will to renewal and eternal repetition of the once gone, once seen and experienced. Memory is not a dead weight, but the determining method of the existence of man in time. Jaspers identifies three types of recall: 1) psychological recall; 2) historical recollection; 3) existential recall involving the unity of the past and the existence of the recalling person.

Formally Pushkin represented all three types of recall. The first type – psychological recall – is almost never given in its pure form as a mere indifferent and objective memory of past events. It is difficult to imagine that this memory could even find its place in poetry. Any Pushkin's recall – be it the memory of the events of his personal life or of the historical past – is existentially colored. That is the third type of recall – existential recall – emerges through the first two in Pushkin's works. In remembrance the poet is free: he is to find himself, his own source, his choice, his self in the external and in the past. The past becomes the present, the external becomes internal. This constant search for the origins of his spiritual formation, ongoing commitment to active living and the resumption of self-experience permeates all the works of the poet. Memory here is existential freedom and at the same time an existential necessity. Having made an existential choice himself once, at some point in the past, he must make efforts to resume and maintain this option for the time again and again. Otherwise, the time that opens up new opportunities, new adventures will ruthlessly dissipate the generated image of oneself. The flow of time has to be transformed, brought together by the creative will of the poet. The present must always be threaded by the rays of the past in the mode of existential recall. In *Memoirs in Tsarskoye Selo* (1829), we find one of the most striking examples of a situation where existential recall is closely interlaced with historical recollection. In this recollection "I" perceives what goes beyond the temporal limits of his own real being as its existential source. There is an association of "I" and The Other, and "I" finds itself in The Other.

References

1. Dyrdin, A.A. (2012) *Proza L. Leonova: Metafizika mysli* [The prose of L. Leonov: Metaphysics of thought]. Moscow: Sinergiya.
2. Kostin, E. (2013) *Sholokhov forever*. Vilnius: VAGA. (In Russian).
3. Lesevitskiy, A.V. (2011) *Konflikt individual'nogo i sotsial'nogo v ekzistentsial'noy filosofii F.M. Dostoevskogo* [The conflict of the individual and the social in the existential philosophy of F.M. Dostoevsky]. Perm: OT i Do.
4. Baevskiy, V.S. (2003) Tyutchev: poeziya ekzistentsial'nykh perezhivaniy [Tyutchev: Poetry of existential experiences]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. 6. pp. 1–10.
5. Kibal'nik, S.A. (1998) *Khudozhestvennaya filosofiya A.S. Pushkina* [The Art Philosophy of A.S. Pushkin]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
6. Nietzsche, F. (2013) O pol'ze i vrede istorii dlya zhizni [On the Use and Abuse of History for Life]. In: Nietzsche, F. *Polnoe sobranie sochineniy: V 13 tomakh* [Complete Works: in 13 vols]. Vols 1/2. Translated from German. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
7. Sinyavskiy, A.D. (1966–1968) *Progulki s Pushkinym* [Walking with Pushkin]. [Online]. Available from: http://royallib.com/book/terts_abram/progulki_s_pushkinim.html. (Accessed: 07 February 2016).
8. Jaspers, K. (2012) *Filosofiya. Kniga tret'ya. Metafizika* [Philosophy. Book Three. Metaphysics]. Translated from German. Moscow: Kanon+, Reabilitatsiya.
9. Jaspers, K. (2012) *Filosofiya. Kniga vtoraya. Prosvetlenie ekzistentsii* [Philosophy. Book Two. Enlightening existence]. Translated from German. Moscow: Kanon+, Reabilitatsiya.